

МИЛЛИЭЛА

ХОЗЯЙКА ПРОКЛЯТОЙ ТАВЕРНЫ

У ТРЁХ
ГРАНИЦ

ХОЗЯЙКА
ЭЛИНА

— ДОМ —
ЭТО НЕ МЕСТО.
ЭТО ТЕ, РАДИ
КОГО ТЫ
ОСТАЁШЬСЯ.

МИЛЛИЭЛА МИЛЛИЭЛА
Хозяйка проклятой таверны

«Автор»

2026

МИЛЛИЭЛА М.

Хозяйка проклятой таверны / М. МИЛЛИЭЛА — «Автор», 2026

Новая жизнь началась для Элины с чужих долгов, протекающей крыши и таверны, которую путники обходят десятой дорогой. Говорят, по ночам в ней шепчутся тени, а каждый, кто задержится слишком долго, видит свой худший кошмар. Но Элина не привыкла сдаваться. Она наведёт порядок на кухне, договорится с домовым, накормит голодных постояльцев — и обязательно выяснит, кто хочет отнять у неё единственный дом. Вот только следить за хозяйкой проклятой таверны уже прибыл мрачный дракон-инквизитор. И он, похоже, уверен, что главная опасность здесь — она сама.

© МИЛЛИЭЛА М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

МИЛЛИЭЛА МИЛЛИЭЛА

Хозяйка проклятой таверны

Глава 1

Потолок над кроватью протекал с таким усердием, будто хотел пробить матрас раньше весны. Капля собиралась в тёмном пятне, вытягивалась и падала прямо в миску на полу, отзываясь раздражающим звоном. Элина открыла глаза, уткнулась щекой в грубую наволочку и несколько секунд слушала этот звук, надеясь, что всё вокруг ей снится.

Елена не спала, и от этой мысли у неё похолодели ладони. Комната была тесной, пахла мокрой шерстью, прогорклым салом и лекарственной настойкой, а в углу на трёх ножках стоял шкаф с перекошенной дверцей. Последним воспоминанием Елены Воронцовой была фара грузовика, вылетевшего на скользкий перекрёсток, и чья-то ладонь на её плече в машине скорой помощи. Потом исчезли и перекрёсток, и сирена, и её собственное тело, которое она знала тридцать два года.

Кто-то от души колотил в дверь. Элина села так резко, что в висках сразу заныло, и придержала лоб влажной ладонью. На комод лежало маленькое медное зеркальце, в котором отражалось чужое лицо: бледное, узкое, с выпавшими ресницами и каштановыми волосами, кое-как собранными лентой.

– Открывай, вдова, или я войду с кузнецом, – хрипло пообещал мужчина за дверью. – Хватит прятаться и жалеть себя, госпожа Рейвис.

Имя кольнуло знакомством не сразу, словно память достала его из чужого ящика. За последние сутки Элина уже успела понять, что прежнюю хозяйку тела звали именно так, а её муж погиб неделю назад под колёсами почтовой кареты. Вместе с мужем исчезли деньги, поставщики и половина посуды из трактира внизу, зато остались долги, заплаканная соседка и привычка местных смотреть на молодую вдову так, словно она была частью мебели.

– Можете войти, дверь осталась незапертой, – сказала Элина, поправляя на плечах шерстяной платок.

В комнату вошёл плотный мужчина в сером сюртуке, слишком хорошем для этого дома. Он снял перчатки, оглядел кровать, миску под течью и остановился у комода, будто выбирал, что сможет унести первым. На его пальце блеснул перстень с зелёным камнем, а под мышкой лежала кожаная папка, тщательно перевязанная шнуром.

– Лудин Варш, торговый поверенный господина Карна, – представился он с усталым видом человека, которому приходится объяснять очевидное. – Вчера вас не нашли, позавчера вы принимали настойку, а срок платежа всё равно пришёл.

Элина поставила босые ноги на холодные доски и не стала делать вид, будто поняла каждое слово. За ночь в её памяти всплыли обрывки чужой жизни: широкая стойка внизу, толстый мужчина с рыжими усами, вечные споры о цене овса и подпись Элины Рейвис на договоре, который она не читала. Прежняя хозяйка таверны боялась бумаг так же сильно, как огня в сухом амбаре.

– Какой именно платёж вы имеете в виду? – спросила она и потянулась к одежде, сложенной на стуле.

Варш посмотрел на неё внимательнее, потом достал из папки лист с печатью. Он держал его двумя пальцами, чтобы не задеть мокрую кружку на краю комода, и говорил ровно, почти без нажима. За эту ровность Элина сразу его невзлюбила.

– Двадцать семь серебряных крон за зерно, эль и ремонт конюшни, – перечислил поверенный. – Ваш супруг взял их у господина Карна в конце осени под залог здания и всего, что находится внутри.

– А сколько стоит само здание целиком? – Элина продела руки в рукава платья, чувствуя, как грубая ткань царапает запястья.

– Смотря кому продавать и кто согласится поселиться в этом месте, – Варш скривил тонкие губы. – Вы расплатитесь до заката третьего дня или освободите трактир добровольно.

Внизу заскрипела дверь, потом послышался женский голос, сердитый и торопливый. В комнату без стука заглянула пожилая соседка в переднике, испачканном мукой. Она увидела Варша, поджала губы и поставила на стол корзину с чёрствыми булками.

– Я ему сказала, что госпожа нездорова, – пробормотала женщина, обращаясь к Элине. – Но он ходит, как ворона у свежего поля, и всё высматривает.

– Госпожа Элине не нужна ваша защита, Марта, – заметил Варш, снова натягивая перчатки. – Ей нужен кошелек, которого в доме не наблюдается.

Соседка бросила на него тяжёлый взгляд, однако спорить не стала. Элина заметила, как Марта сжала ручку корзины, и вдруг вспомнила свою прежнюю начальницу, которая тем же движением держала папку перед неприятным разговором с налоговой. В такие минуты полезно было не обижаться, а доставать цифры.

– Я хочу увидеть договор и учётные книги, – сказала Элина. – Не список ваших пожеланий, а все бумаги, по которым вы пришли.

Варш моргнул, будто услышал просьбу заговорившей табуретки. Потом расправил складку на манжете и положил договор на комод. Бумага пахла плесенью и дорогими чернилами, а на полях теснились пометки прежнего хозяина таверны.

– Посмотрите, если умеете читать мелкий шрифт, – отозвался он. – Мой человек придёт к закату третьего дня, а я советую заранее сложить личные вещи в сундук.

Он ушёл, не закрыв за собой дверь. Марта дошла до площадки, резко толкнула створку и только после этого повернулась к Элине. В её глазах стояли слёзы, но голос оставался деловым.

– Не переживайте вы так, девочка, – сказала она, вытаскивая из корзины булку. – Мой племянник отвезёт вас к сестре в Лайвен, там и обживетесь понемногу.

Элина взяла договор, развернула его на коленях и пробежала глазами по строчкам. Сумма была большой, но не безнадёжной. Залог оценивался почти втрое дороже долга, а проценты господин Карн начислял так, словно очень хотел забрать трактир вместе с конюшней.

– До Лайвена далеко, а здесь есть кухня, комнаты и дорога под окнами, – ответила она. – Лучше покажите, что у нас осталось в кладовой и сколько людей обычно останавливается на ночлег.

Марта медленно поставила булку обратно в корзину. Она внимательно посмотрела на Элину, словно искала на её лице знакомую робость и никак не находила. Потом вытерла руки о передник и кивнула в сторону лестницы.

– В кладовой мыши живут богаче людей, но я покажу, – сказала она. – Только вниз сама не ходите, пока голова кружится.

Трактир занимал весь первый этаж и напоминал комнату после неудачной драки. Один стол лежал на боку, возле стойки валялись разбитые кружки, а в камине холодела зола. На дальней стене висела вывеска с нарисованным котлом и полустёртыми буквами: «Семь дорог».

Элина прошла между столами, приподнимая подол, чтобы не наступить на осколки. На стойке стоял глиняный кувшин, в котором плавала ложка, а рядом лежала раскрытая книга с жирными следами на страницах. Она не стала трогать кувшин и взяла книгу двумя руками.

– Это не учёт, а попытка поспорить числа между собой, – пробормотала Элина, листая страницы.

Марта фыркнула, но почти сразу прикрыла рот ладонью. Из коридора показался мальчишка лет двенадцати, худой, веснушчатый, в жилете не по размеру. Он тащил охапку поленьев, споткнулся о ножку перевёрнутого стола и едва удержался на ногах.

– Госпожа, я печь затопил, как вы велели вчера, – выпалил он, переводя дыхание. – Только она опять чудит, а я туда не лезу, потому что прошлой зимой Неру руку обожгло без огня.

Элина подняла голову, услышав за стеной знакомое слово. Обычная печь не должна обжигать человека без огня, зато обычная печь не была бы самой странной деталью в мире, куда она попала после аварии. Она закрыла книгу и пошла на кухню, пока Марта беззвучно шевелила губами за её спиной.

На кухне было теплее, чем в зале, но легче от этого не стало. В большой чёрной печи тлели поленья, над плитой висели медные кастрюли, а на камнях вокруг топки проступали тонкие линии, похожие на трещины. Элина присела, провела пальцем по одной линии и почувствовала, как под кожей кольнуло, будто она задела сухую крапиву.

– Не трогайте камни, госпожа, – мальчишка поставил дрова у стены и попятился. – Прошлая хозяйка говорила, что печь сердится на неё.

– А за что же она сердится на хозяйку? – Элина вытерла палец о юбку и посмотрела на топку.

Мальчишка пожал плечами, потом нахмурился от старания. Марта подошла ближе, но остановилась у дверного косяка, не переступая его.

– Старики говорят, дом стоял здесь раньше трактира, – сказала она. – Кому он принадлежал, никто уже не знает, а печь осталась от прежних хозяев. Лучше бы её не тревожить, когда она молчит.

Элина открыла низкий шкафчик под тяжёлым кухонным столом. Внутри нашлась горсть овсяной крупы, три яйца, кусок зачерствевшего сыра и банка сушёных яблок. Из такого набора можно было приготовить кашу, лепёшки и ещё долго слушать жалобы голодных людей.

– В доме найдётся хоть немного молока? – спросила она, вытаскивая банку на стол.

– Полкувшина с утра осталось, – ответила Марта. – Вы же не собираетесь кормить посетителей, когда над домом такая беда?

– Посетители должны принести деньги, а деньги не приходят в пустой зал, – Элина оглядела кухню. – Том, принеси воды и вымети осколки. Марта, если у вас есть мука взаймы, я расплачусь до вечера.

Мальчишка так быстро подхватил ведро, что стукнул им по ножке стола. Марта хотела возразить, но вместо этого достала из кармана передника маленький ключ и бросила его на столешницу. Ключ звякнул рядом с сушёными яблоками.

– В кладовой есть мешок ржаной, только его тоже Карн посчитал, – буркнула она. – Возьмите, потом не говорите, что я не предупреждала.

Пока Марта ходила за мукой, Элина разбила яйца в миску и принялась размешивать их деревянной ложкой. Руки сами вспомнили простые движения, хотя дома она готовила редко и чаще заказывала ужин по дороге с работы. Здесь от запаха теста становилось спокойнее, как от заполненной таблицы, где в конце наконец сходятся итоги.

Она добавила в миску крупу, молоко и щепотку соли, потом достала из кармана фартука найденный у плиты кусочек масла. Печь гудела негромко, словно в ней шевелилась вода. Элина положила на горячий камень лепёшку и отёрнула руку, ожидая боли.

Боли не было, только пальцы странно согрелись у камня. Линии вокруг топки посветлели, а в углях пробежал мягкий золотистый отблеск, совсем не похожий на пламя. Том застыл с ведром у двери, разинув рот, и вода плеснула ему на сапоги.

– Только не кричи и не суетись, – тихо попросила Марта, хотя он ещё не произнёс ни звука.

Лепёшка поднялась быстрее, чем могла подняться на обычном жару. По кухне поплыл запах печёного яблока и мёда, хотя мёда в доме не нашлось даже по рассказам Марты. Элина перевернула лепёшку лопаткой, дождалась румяной корочки и разделила её на четыре части.

В этот момент дверь трактира распахнулась так сильно, что со стены упала деревянная ложка. На пороге стоял высокий мужчина в дорожном плаще, заляпанном серой грязью. Он держался за бок и смотрел на зал мутными, воспалёнными глазами.

– Не найдётся ли у хозяйки чистой воды? – спросил он, тяжело опираясь ладонью на дверную раму. – Я заплачу, если дойду до кошель.

Марта побледнела и отступила на кухню. Том спрятался за её юбкой, выглядывая из-за складок передника. Элина заметила на шее путника тёмные пятна, похожие на ожог, и дрожь в его пальцах.

– Вода будет, но сначала съешьте это, – сказала она и протянула ему горячую лепёшку на деревянной дощечке.

Мужчина хотел отказаться, однако запах заставил его остановиться. Он откусил небольшой кусок, прожевал, потом опустил на ближайшую лавку и прикрыл лицо рукой. Тёмные пятна на шее побледнели, а дыхание перестало рваться короткими хриплыми толчками.

Марта уронила на пол деревянную миску. Мужчина медленно поднял голову, посмотрел на Элину уже осмысленнее и достал из-за пазухи несколько серебряных монет. Среди них лежал сложенный вчетверо лист, запечатанный чёрным воском.

– Это вам передали на мосту, хозяйка, – произнёс он, подвигая письмо к краю стойки. – Велели отдать лично и не терять по дороге.

Элина развернула лист, прочла одну неровную строчку и крепче сжала пальцы на бумаге.
Не открывай погреб до прихода инквизитора.

Марта увидела записку через её плечо, резко втянула воздух и прижала ладонь ко рту. Из-под пола донёсся глухой стук, будто кто-то внизу медленно передвинул тяжёлый ящик.

Глава 2

Стук из-под пола повторился, и мужчина на лавке дёрнулся так, что локтем смахнул со стола пустую кружку. Глина раскололась у его сапога, а Том забился глубже за Мартин передник. Элина перечитала строчку ещё раз, хотя чернила на бумаге не собирались складываться в другие слова.

– Марта, где у нас находится погреб в этом доме? – спросила она, не отрывая взгляда от письма. – И почему все делают вид, что его нет?

Соседка провела ладонью по губам, оставив на коже белый след от муки. Она смотрела не на Элину, а на тёмный коридор возле кухни, где за поленницей скрывалась низкая дверь с железной ручкой. Том переступил с ноги на ногу, а потом торопливо поднял разбитую кружку, хотя Марта ещё утром велела ему не трогать осколки голыми руками.

– Погреб как погреб, там соленья стояли и бочки с пивом, – сказала она наконец. – Потом господин Хадрик велел заколотить полки, запер дверь и ключ носил под рубахой.

Имя покойного мужа не вызвало в Элине никаких чувств, кроме глухого раздражения. Он успел оставить ей чужое тело, гнилую крышу и договор с Карном, но о погребке решил никому не рассказать. Впрочем, в её прежней жизни люди тоже любили хранить неприятные детали до последней минуты, особенно когда эти детали грозили чужими деньгами.

– А ключ после его смерти вы нашли? – Элина положила записку на стойку и прижала её солонкой. – Мне нужен честный ответ, даже если он вам не понравится.

Марта качнула головой и выпрямила спину. В ответ на это короткое движение Том перестал собирать черепки и поднял к ней лицо. По кухне тянуло яблочной лепёшкой, а в зале стоял запах сырой шерсти от дорожного плаща незнакомца.

– Лекарь, стража и Карновы люди обыскали комнату, конюшню, сарай, – сказала Марта. – Нашли кошелёк, который ваш супруг спрятал под сеном, а ключа не нашли даже в сапогах.

Мужчина на лавке осторожно опустил руку от лица. Кровь вернулась к его щекам, только под глазами остались тени, будто он несколько дней спал в седле. Он посмотрел на письмо, потом на Элину и сглотнул, избегая смотреть в сторону погреба.

– Меня зовут Севен Лир, я вожу товары между Сурмой и Лайвеном, – произнёс он. – На мосту ко мне подошёл человек в тёмном плаще и заплатил за доставку этой бумаги.

– Вы видели его лицо или хотя бы лошадь? – Элина придвинула к Севену кувшин с водой. – Чем больше деталей, тем меньше я стану гадать.

Он взял кувшин обеими руками, но пить не спешил. По дороге на его рукаве тянулась полоса высохшей грязи, а на воротнике виднелась дырка, прожжённая как будто кислотой. Марта заметила её тоже и нахмурилась, словно хотела спросить, где он нашёл такую беду, но проглотила вопрос.

– Лошадь была сивая, высокая, без клейма на седле, – ответил Севен. – Лицо он прятал под капюшоном, а перчатки носил чёрные, гладкие, без швов на пальцах.

– И он просто попросил принести письмо в трактир? – Марта забрала у Тома черепки и отнесла их к печи. – За такие поручения люди не платят серебром на пустой дороге.

Севен поморщился, коснувшись побледневших пятен на шее. Его пальцы задержались на побледневших пятнах, затем он отнял руку и посмотрел на неё с недоверием. Элина разломала оставшуюся лепёшку и положила кусок на чистую дощечку, решив, что разговор пойдёт быстрее, если человек перестанет ждать очередного приступа.

– Он сказал, что я должен отдать бумагу лично хозяйке «Семи дорог», – продолжил Севен. – А потом добавил, что нельзя заходить в трактир, если мне станет плохо у порога.

Марта опустила корзину на стол слишком резко. Том уставился на Севена, потом на Элину, и его веснушки на побледневшем лице стали заметнее. Севен взял лепёшку без приглашения, откусил и прикрыл глаза, медленно пережёвывая.

– Вам стало плохо у порога, – сказала Элина. – Значит, вы всё-таки не выполнили его условие.

– У меня на мосту заболела рука, потом пропали силы, а до следующего дома было далеко, – Севен запил хлеб водой и вытер рот ладонью. – Я думал, доберусь, согреюсь и поеду дальше, только ноги перестали слушаться.

Элина положила ладонь на край стойки. История не нравилась ей с каждой новой фразой, однако ни Марта, ни Том не выглядели людьми, способными придумать такую ловушку ради одной записки. Севен тоже не походил на искусного шантажиста: его сапоги были стёрты до мягкой кожи, а в поясной сумке, судя по звуку, лежали только монеты и железная пряжка.

– За письмо вам заплатили, а за лечение заплатите отдельно, – сказала она. – Потом подробно расскажете, где видели человека в чёрных перчатках.

Севен коротко усмехнулся, достал три серебряные монеты и положил их рядом с запиской. Марта проводила монеты взглядом, после чего быстро отвернулась, делая вид, что ищет на полке чистую миску. Элина не стала притворяться и сгребла серебро в карман фартука.

– Том, запри входную дверь на засов, – попросила она. – Если кому-то захочется заглянуть в трактир до вечера, пусть сперва постучит.

Мальчишка кивнул с таким усердием, что чёлка упала ему на глаза. Он выбежал в зал, но у самой двери кухни обернулся и посмотрел на погреб. Там было тихо, хотя Элина отчётливо помнила тяжёлый звук под половицами.

Она взяла свечу, зажгла её от печи и пошла по коридору. Марта догнала её уже у поленницы и вцепилась в рукав платья, не слишком сильно, но достаточно, чтобы остановить. От муки на тёмной ткани остались белые следы.

– Я вас туда не пушу, пока инквизитор не приедет, – сказала Марта. – В письме же ясно написано, а чужой человек зря предупреждать не станет.

– В письме ясно написано только одно, и я умею читать, – Элина высвободила рукав. – Но я не собираюсь открывать дверь, мне нужно взглянуть на замок.

Дверь в погреб была старше остальных в доме. Доски потемнели от времени, железные полосы покрылись ржавчиной, а сверху кто-то прибил тонкие медные пластины, исписанные мелкими значками. Между ручкой и косяком тянулась царапина, свежая, светлая, словно железо недавно пытались поддеть ножом.

Элина наклонилась и увидела на полу кусочек чёрной ткани. Он зацепился за щель у порога, был мокрым по краю и пах болотной водой. Севен подошёл следом, опираясь плечом о стену, и вдруг шумно втянул воздух.

– Такой плащ был на том человеке, – проговорил он. – Только мой заказчик ехал от моста, а мост находится с другой стороны тракта.

Марта отпустила край фартука и перекрестилась каким-то незнакомым Элине жестом, коснувшись пальцами лба, губ и груди. Том стоял у входа в кухню, сжимая засовную щеколду, которую зачем-то принёс с собой. Элина присела у двери, не касаясь ручки, и заметила ещё одну вещь: нижний медный гвоздь был вытасчен из доски почти наполовину.

– Кто-то уже пытался попасть внутрь, – сказала она. – Если Карн решил забрать дом, его люди могли начать с этого места.

– Господин Карн не ходит по грязи и не лазит в погреба, – возразила Марта. – Он отправляет поверенных, а те всегда берут бумаги и стражу.

– Бумаги не оставляют ткань в щели, – Элина поднялась и оглядела коридор. – Марта, пожалуйста, найдите молоток и хорошие гвозди. Том, принеси из конюшни крепкую доску, только не тащи её один, попроси Севена помочь.

Севен оттолкнулся от стены и помедлил, словно проверял, сможет ли двигаться без боли. Потом он кивнул, взял Тома за плечо и пошёл к задней двери. Марта осталась рядом с Элиной, посмотрела на медные знаки и потерла пальцы друг о друга.

– Старый Хадрик привёз эти пластины после поездки в столицу, – призналась она. – Заплатил кузнецу больше, чем тратил на еду за месяц, а потом кричал на жену, когда та подходила к погребу.

Элина вытащила снизу лист учётной книги, который захватила со стойки. Кожа на переплёте лоснилась от жира, но последние страницы оставались почти чистыми. Между ними лежала квитанция от кузнеца, и имя на ней было написано угловатым, размашистым почерком: «За работу по установке печатей и укреплению двери».

– Когда именно он заказал эту работу у кузнеца? – спросила Элина, протягивая квитанцию расстроенной Марте. – Дата здесь стоит очень неудачная для нас.

Марта прочитала строчку, прищурившись, и тяжело опустилась на табурет. В её руках квитанция дрогнула, но она не стала вытирать выступившие слёзы. Том вернулся с доской и молотком как раз в тот момент, когда соседка тихо выругалась.

– За два дня до гибели Хадрика, – ответила она. – Он тогда сказал, что скоро уедет с деньгами и оставит трактир Элине, но утром повёз почту через перевал.

Севен положил доску на пол и потёр шею. Тёмные пятна почти ушли, однако возле воротника оставалась тонкая серая жилка, будто пепел вьёлся под кожу. Элина сунула квитанцию обратно в книгу и почувствовала в кармане холодные монеты.

– Сначала заколотим дверь, потом приготовим обед, – распорядилась она. – У нас есть три дня, пустой трактир и человек, который знает дорогу до Лайвена.

– Вы собираетесь торговать, пока под домом кто-то ходит? – Марта выпрямилась, и в её голосе прорезалась обида. – Я думала, вы после болезни стали разумнее, а вы будто совсем себя не бережёте.

Элина взяла молоток и взвесила его в руке. Он был тяжёлым, с засохшими каплями смолы на деревянной ручке. Ей хотелось сказать, что беречь себя без денег она научилась ещё дома, когда зарплаты хватало на коммунальные счета, проезд и чужие дни рождения, но Марта не поняла бы ни слова.

– Если мы сядем и будем ждать, Карн заберёт трактир без всяких теней, – сказала Элина. – Я не знаю, что прячется в погребе, зато хорошо знаю, сколько стоит мука и как быстро заканчивается серебро.

Севен молча взял доску, приложил её поперёк двери и подал Тому коробку с гвоздями. Мальчишка попытался ударить молотком, промахнулся и едва не попал по собственной ладони. Элина перехватила инструмент, а Севен придержал доску, пока она забивала гвозди ровными ударами.

На четвёртом ударе из-за двери донёсся шорох. Том застыл, прижав коробку к груди, а Марта закрыла глаза. Севен стиснул зубы так сильно, что на скулах обозначились жёсткие тени.

– Если это крысы, у них слишком тяжёлые привычки, – пробормотал он.

– Крысы не читают предупреждения на бумаге, – ответила Элина и забила последний гвоздь.

Она убрала молоток на полку, чтобы Том не схватил его из любопытства. Погребная дверь выглядела ненадёжно даже с доской, однако доска хотя бы не позволяла открыть её бесшумно. Марта принесла старый засов от кладовой, и Севен помог закрепить его над ручкой, выбрав в косяке место без медных пластин.

К полудню трактир всё ещё казался пустым, но в кухне уже кипела каша с сыром и сушёными яблоками. Марта ворчала, что хорошие яблоки переводят на кашу, хотя сама подсыпала в горшок щепотку корицы из личного мешочка. Том вымыл столы, поставил на них по кружке и дважды вытер одну и ту же лавку, пока Элина не отправила его проверять конюшню.

Севен сидел у окна, держа чашку обеими руками. Он рассказал, что видел у моста следы двух лошадей: одна шла ровно по дороге, другая сворачивала к старой мельнице. Говорил он неохотно, останавливался на середине фразы и прислушивался к собственному дыханию, будто ждал, что боль вернётся без предупреждения.

– У мельницы давно никто не живёт, – заметила Марта, раскладывая ложки. – Там крыша упала, а колодец засыпали после того, как сын мельника пропал.

– Ваша дорога проходит через старую мельницу? – Элина поставила горшок на деревянную подставку. – Или можно объехать её по восточной дороге?

Севен покачал головой и потянулся за ложкой. Он уже ел увереннее, но всё равно поглядывал на окна, когда за стеной шуршали ветки. Элина не стала спрашивать, почему взрослый мужчина боится сквозняка: в её собственном доме двери в погреб скреблись изнутри, и это было достаточно странно для одного дня.

В дверь постучали три раза, спокойно и без спешки. Том метнулся из конюшни, но Элина остановила его жестом и сама вышла в зал. За мутным стеклом стояли двое мужчин в дорожных куртках, а рядом переминалась гнедая лошадь, запряжённая в лёгкую телегу.

– Есть ли у вас постоя, хозяйка трактира? – спросил старший, когда она откинула засов. – Нам бы поесть, коня напоить и колёса проверить до темноты.

Элина осмотрела их сапоги, заплатки на плащах и мокрые поводья. Такие путники не принесут много, но могли оставить достаточно, чтобы купить муку и яйца на завтра. Она распахнула дверь шире и показала рукой на чистый стол у камина.

– Горячая каша есть, лепёшки будут через четверть часа, – сказала она. – За коня возьмёт Том, если вы не станете учить его работать.

Старший мужчина хмыкнул, но в глазах мелькнуло одобрение. Его спутник сел у камина, снял промокшие перчатки и сразу попросил добавки, хотя миска ещё не успела остыть. Марта принесла еду, держась настороженно, однако деньги, звякнувшие на стойке, заметно выпрямили ей плечи.

Пока путники ели, разговор в зале стал громче и спокойнее. Один из них жаловался на разбитый мост у Сурмы, другой спорил с Томом о том, сколько овса способна съесть гнедая кобыла за ночь. Элина стояла у печи, раскатывала тесто и слышала, как дом вокруг неё понемногу наполняется обычными звуками.

– В трактир идёт дорожный дозор, – сказал старший гость, доедая кашу. – На рассвете у мельницы нашли брошенную телегу, а возле неё землю будто серой солью посыпали.

Марта поставила миску на стойку и не донесла её до полки. Севен поднял голову от чашки, а Том перестал спорить про овёс. Элина переложила лепёшку на сковороду, не позволяя себе смотреть на дверь в погреб.

– Дорожный дозор тоже иногда называют инквизиторами? – спросила она, когда тесто начало шипеть на горячем камне.

– Нет, инквизиторы приезжают, когда у дозора кишка тонка, – старший путник пожал плечами. – Но сегодня на дороге видели чёрного драконьего всадника, так что, может, и дождёмся.

В этот же миг наружная дверь открылась без стука. Лудин Варш вошёл в зал, стряхнул с плаща несколько капель и оглядел столы так, словно они лично его оскорбили. За ним следовал широкий мужчина с деревянным ящиком и связкой ключей на поясе.

– Как трогательно, госпожа Рейвис уже ведёт торговлю, – сказал Варш, не здороваясь. – Я пришёл составить опись имущества до вечернего срока, чтобы ничего не исчезло по недоразумению.

Элина вытерла ладони о полотенце и посмотрела на его спутника. Ключи на поясе были разными, но среди них висел длинный чёрный ключ с изогнутой бородкой. Такой ключ никак не подходил к комнате, конюшне или шкафу со скудными запасами.

– Для описи вы пришли слишком рано, а срок ещё не вышел, – ответила она. – Составляйте список столов и кружек, если вам так хочется, но на кухню и в погреб я никого не пущу.

Варш перевёл взгляд на поленницу, за которой скрывалась укреплённая дверь. Он улыбнулся тонко, без веселья, и достал из папки знакомый договор. Севен тяжело поставил чашку на стол, а Марта медленно отодвинула Тома ближе к печи.

– Погреб относится к заложенному имуществу, – произнёс поверенный. – Значит, господин Карн имеет полное право убедиться, что вы не прячете там товары, принадлежащие ему.

Элина достала из кармана три серебряные монеты Севена и положила их рядом с договором. Потом добавила к ним мелочь, которую оставили путники за обед. Монеты легли неровной кучкой, но Варш всё равно заметил, что касса у трактира уже появилась.

– Вы получите свои деньги по договору, если я смогу заработать их честной работой, – сказала она. – А ломать двери до назначенного срока я вам не позволю.

Мужчина с ящиком переступил с ноги на ногу и посмотрел на Варша, ожидая приказа. В этот момент из коридора донёсся сухой щелчок. Доска, которую Элина прибила к двери погреба, медленно выгнулась наружу, и нижний гвоздь пополз по дереву с противным скрипом.

Никто не успел сказать ни слова. Варш побледнел, уронил папку, а чёрный ключ на поясе его спутника тихо звякнул о пряжку.

Глава 3

Доска выгнулась ещё сильнее, и один из верхних гвоздей со звоном вылетел на каменный пол. Том пискнул, но Марта успела дёрнуть его за плечо и прижать к себе. Варш смотрел на дверь так, будто за ней лежали не бочки и пыльные банки, а открытая могила.

– Ваш человек принёс с собой ключ, – сказала Элина, обращаясь к поверенному. – Похоже, вы заранее знали, какую дверь хотите открыть.

Широкоплечий мужчина с ящиком торопливо накрыл связку ладонью. Его звали Белин, это Элина услышала от Варша, когда тот велел ему осматривать столы, но больше о нём никто не говорил. Белин не походил на слугу: под дорожной курткой у него виднелась кольчуга, а на запястье темнел след от старого ожога.

– Ключи нужны для описи кладовых и хозяйственных помещений, – выдавил Варш. – Не нужно приписывать обычным вещам лишний смысл, госпожа Рейвис.

– Обычные ключи не прячут за поясом под курткой, – Элина положила ладонь на край стойки. – И обычные двери не выдавливают доски изнутри.

Белин рванулся к выходу так резко, что задел локтем стол. Один из дорожных гостей вскочил с лавки, загородил ему дорогу и схватил за воротник. Телега и лошадь остались снаружи, но мужчины не спешили уходить, когда увидели, как Варш побледнел у чужой двери.

– Отпусти его, Лан, – попросил Варш, отступая к окну. – Он ничего не сделал, а вы не имеете права задерживать людей на тракте.

– Он и сам никуда не торопился, пока доска не пошла ходуном, – возразил старший путник. – Пусть сперва объяснит, зачем пришёл в чужой дом с таким железом.

Севен поднялся с лавки и медленно подошёл к Белину. Его ещё покачивало после болезни, однако глаза больше не блуждали, а пальцы держали край стола крепко и уверенно. Он посмотрел на чёрный ключ, потом на тёмные пятна, оставшиеся у него на шее.

– Я видел такую форму у человека на мосту, – сказал Севен. – У него на перчатке висел маленький крюк, только без кольца и без зубцов.

Белин выругался сквозь зубы и оттолкнул Лана. В этот момент погребная дверь вздрогнула, нижняя щель потемнела, а по полу к сапогам Элины потянулась тонкая полоска инея. Она отступила от коридора, подхватила со стойки ведро и зачерпнула из него воду жестяным ковшом.

– Все выходите в зал и держитесь подальше от двери, – сказала она. – Марта, уведите Тома к печи, только не запирайте его в кладовой.

Марта не стала спорить и потянула мальчишку к печи. Том вырвался, метнулся к кухонному столу и схватил банку с солью. Бежать за ним никто не успел, потому что погребная дверь распахнулась на ладонь.

Из темноты выскользнул серый дым, густой и тяжёлый, как пар над болотом. Он не поднимался вверх, а стелился по полу, обвивая ножки табуретов и сапоги Белина. Мужчина попытался отскочить, однако дым уже дотянулся до его руки и прилип к коже возле ожога.

Белин закричал, ударил ладонью по стене и опрокинул ящик с ключами. Металлические кольца разлетелись по полу, чёрный ключ покатился к Элине и остановился у носка её ботинка. Варш прижал обе руки к груди, словно собирался молиться, но из горла вырвалось только сиплое дыхание.

– Это не должно было выйти, – прошептал он. – Карн сказал, что печать держится уже много лет.

Элина посмотрела на Белина, сидевшего у холодной каменной стены. Серый дым облепил его пальцы, и кожа на них побелела, будто он сунул руку в снег. Севен попробовал подойти ближе, но сразу согнулся, схватившись за шею, а на его воротнике проступила серая полоса.

– Печь, – выговорил Том, стоя у Марты с банкой соли. – Она с этим справляется, я видел.

– Том, возьми полотенце и принеси чистую дощечку, – Элина взяла чёрный ключ кончиком ковша. – Марта, положите в сковороду масло, мёд и всё, что осталось от яблок.

Марта посмотрела на неё так, словно Элина предложила угощать дым пирогом. Потом её руки сами потянулись к полке, и через несколько мгновений на кухне зашипело масло. Том принёс дощечку, не выпуская банку соли, а Элина поставила на стол миску с тестом, которое успела замесить утром.

– Вы правда собираетесь готовить, когда он умирает? – Лан отпустил Белина и подхватил его под здоровое плечо. – Может, вызывать стражу или искать лекаря?

– Лекарь не успеет добраться сюда до темноты, – ответила Элина, разминая тесто пальцами. – Если хотите помочь, принесите из колодца два ведра воды и не давайте дыму идти в зал.

Лан не стал спорить и толкнул дверь плечом. Он крикнул своему спутнику, и через несколько секунд по полу уже плескалась вода из вёдер. Дым шипел при каждом ударе струи, отступал к коридору, но с руки Белина не уходил.

Элина выложила тонкие лепёшки на горячий камень. Печь загудела глубже, чем раньше, и медные линии вокруг топки проступили на чёрных камнях ровным кругом. Пламя вытянулось и окрасилось в золотой цвет, а в тесте лопнули пузыри, выпуская запах карамели и печёных яблок.

Марта бросила на сковороду щепотку соли, потом опомнилась и виновато посмотрела на Элину. Та только кивнула, потому что понятия не имела, нужна ли здесь соль, зато хорошо понимала, что сейчас Марте необходимо делать хоть что-нибудь полезное. Том держал дощечку обеими руками, бледный и сосредоточенный, словно от его пальцев зависела вся кухня.

– Дайте ему кусок, пока он ещё может жевать, – сказала Элина и подхватила лепёшку лопаткой. – Белин, слышите меня, откройте рот и не спорьте.

Белин сидел у стены, тяжело привалившись к камням. Его лицо покрылось потом, но глаза смотрели прямо на Элину с такой злостью, что она едва не отдернула руку. Лан прижал его плечо, а Севен подвинулся с другой стороны, удерживая мужчину за локоть.

– Если хотите умереть без помощи этой вдовы, можете не есть, – бросил Лан. – Я не стану выслушивать жалобы до рассвета.

Белин стиснул челюсти, потом всё-таки откусил край лепёшки. Несколько секунд ничего не происходило, и Элина почувствовала, как мука липнет к её мокрым пальцам. Затем серый дым на его руке дрогнул, вытянулся тонкой нитью и пополз обратно к двери погреба.

Севен выдохнул и сел прямо на пол, привалившись спиной к стойке. Марта зажала рот ладонью, а Том вдруг тихо засмеялся, будто не сумел удержать звук внутри. Элина не успела ему сделать замечание, потому что погребная дверь захлопнулась сама и так сильно, что поленница рядом с ней задребезжала.

После удара в коридоре остался запах сырого железа. Чёрный ключ лежал на дощечке рядом с остывающей лепёшкой, и никто не подходил к нему, пока не затихло эхо. Варш медленно поднял папку, но листы внутри отсырели от воды и слиплись между собой.

– Ваша опись на сегодня закончена, – сказала Элина, не повышая голоса. – Вы заберёте Белина, свои бумаги и уйдёте до того, как кто-нибудь вызовет дорожный дозор.

– Госпожа Рейвис, вы не понимаете, во что вмешались, – Варш нервно разгладил мокрый рукав. – Это имущество господина Карна, и он не любит, когда люди забывают о его правах.

– Тогда передайте господину Карну, что его имущество чуть не сожрало вашего помощника, – Элина подняла мокрую квитанцию от кузнеца. – Ещё передайте, что я собираю все бумаги и покажу их тому, кто умеет читать договоры без удобных пропусков.

Белин поднял голову, тяжело опираясь спиной на стену. Он выглядел измученным, однако перестал дрожать и уже сам держал раненую руку. Варш бросил на него быстрый взгляд, потом перевёл глаза на чёрный ключ и чуть заметно подался вперёд.

– Ключ верните, он принадлежит моему господину, – произнёс поверенный. – Вы не можете удерживать чужую собственность в качестве залога.

– Он выпал из ящика вашего помощника, когда из моего погреба полез дым, – Элина накрыла ключ перевёрнутой миской. – До приезда дозора эта вещь останется здесь, и свидетелей у меня достаточно.

Лан хмыкнул, вытер мокрые ладони о штаны и посмотрел на Варша с откровенным любопытством. Его спутник, который всё это время носил воду, молча кивнул. Севен поднял с пола свою дорожную сумку и поставил её на стойку рядом с миской.

– Я тоже видел, откуда взялся ключ, – сказал он. – А письмо от человека у моста теперь выглядит куда интереснее, чем утром.

Варш сжал губы и отвернулся от мокрой стойки. Элина ждала, что он начнёт угрожать или позовёт Белина к выходу, но поверенный только снял с крючка свой плащ. Белин поднялся не сразу, опираясь на Лана, и задержался у стойки, глядя на миску с ключом.

– Карн не присылал меня открывать дверь, – сказал он хрипло. – Он велел проверить, не вернулся ли Хадрик за тем, что спрятал.

– Ваш хозяин считает, что мёртвые возвращаются за долгами? – Марта выпрямилась у печи и взяла в руки кочергу. – У него, видно, совесть очень плохая, раз он ждёт гостей с кладбища.

Белин усмехнулся одними губами, но Варш дёрнул его за рукав. Они ушли быстро, не прощаясь и не забирая разбитый ящик. Лан закрыл за ними дверь, проверил засов и вернулся к своему остывшему обеду, будто серый дым из погреба был обычной дорожной неприятностью.

Элина собрала ключи в ящик, не касаясь их руками. Обычные были медные, железные, с зубцами разной длины и пятнами старой смазки. Чёрный ключ отличался не только цветом: на его головке был выбит знак, похожий на раскрытый глаз с тонкой трещиной посередине.

– Я видел такой знак на стене у мельницы, – тихо сказал Севен. – Там его замазали известью, но после дождя рисунок снова проступил.

Марта поставила перед ним миску с кашей, которой он не просил. Она двигалась резко и говорила мало, зато не отводила взгляда от двери в погреб. Том сидел у окна, прижав к груди банку с солью, и старательно не смотрел в коридор.

– Погреб придётся охранять по ночам, – сказала Элина. – На кухне есть старая щеколда, а у входа нужно починить второй засов.

– А ещё вам нужен человек, который умеет не спать до утра, – заметил Лан. – За немного еды и тёплый угол я могу остаться до следующего дозора.

Элина посмотрела на его спутника, потом на телегу за окном. Лан был не слишком разговорчив, зато не убежал, когда Белина трясло у стены, и не полез за ключом после ухода Варша. Такие качества стоили дороже красивых обещаний.

– Оставайтесь, но лошадь и телегу ставьте за конюшней, – ответила она. – Том покажет место, а за помощь я вычту вам половину платы за ночлег.

Том поднялся так резко, что стул скрипнул по полу. Он уже не казался испуганным, хотя банку соли всё ещё держал крепко. Лан подмигнул мальчишке и взял поводья, а его спутник спросил у Марты, найдётся ли в доме сухая тряпка для колёс.

К вечеру дождь перестал, но двор оставался мокрым и чёрным. Элина пересчитала монеты, отложила отдельно плату за еду, стоимость муки и три серебряных кроны Севена. На дощечке рядом лежала квитанция кузнеца, а под миской тихо темнел чужой ключ.

Марта поставила перед ней кружку чая, пахнущего мятой и чем-то горьким. Она ничего не сказала, просто придвинула блюдо с двумя сухими булками и пошла проверять горшок на

плите. Элина откусила булку, посмотрела на исписанные цифрами страницы и услышала во дворе размеренные шаги.

Лан, который латал забор возле конюшни, замолчал. Том выглянул из-за стойки, а Севен осторожно поставил чашку на стол. Дверь открылась, и на пороге оказался мужчина в тёмном дорожном пальто, застёгнутом до горла.

Он не носил знаков богатого дома, однако держался так, что Лан невольно отступил в сторону. Дождевые капли висели на его чёрных волосах, а серые глаза быстро пробежали по залу, остановились на мокром ящике с ключами и на заколоченной двери в коридоре.

– Кто из вас хозяйка «Семи дорог»? – спросил он, снимая мокрые перчатки с длинных пальцев. – Меня зовут Кайрен Ард-Лаэр, я служу в Северной инквизиции.

Элина медленно положила булку на блюдо. Внутри у неё всё сжалось от усталости, но с места она не встала и кружку не выпустила. За её спиной Марта очень тихо переставила кочергу поближе к печи.

– Хозяйка перед вами, господин инквизитор, – ответила Элина. – И у неё найдётся горячий ужин, если вы пришли говорить, а не ломать двери.

Кайрен задержал взгляд на её лице, потом перевёл его на миску с чёрным ключом. Он взял с вешалки сухое полотенце, вытер руки и подошёл к стойке, не касаясь ничего вокруг.

– Я пришёл потому, что на дороге нашли телегу с мёртвыми лошадьми, – сказал он. – А в вашем трактире пахнет тем, что должно оставаться запёртым.

Он поднял миску двумя пальцами, не касаясь деревянной дощечки. Чёрный ключ лежал неподвижно, но медные линии на печи отозвались коротким золотым отблеском. Кайрен посмотрел на это, затем на Элину, и его лицо стало неподвижным.

– После ужина вы покажете мне всё, что находится за этой дверью, – произнёс он. – До рассвета никто из постояльцев не покинет трактир.

Глава 4

Кайрен говорил спокойно, но Лан всё равно отставил миску и посмотрел на выход. Его спутник, который помогал во дворе, медленно опустил тряпку для колёс в ведро. Севен сжал пальцами край стола, а Марта держала кочергу так, словно рассчитывала отбиться от инквизиции кухонной утварью.

– Мой трактир не похож на тюрьму, господин Ард-Лаэр, – сказала Элина. – Вы можете попросить гостей остаться, но не будете запирайте их по моей крышей.

Кайрен посмотрел на неё без раздражения, и это почему-то вызвало больше злости, чем грубый приказ. Он снял пальто, повесил его на крюк рядом с мокрыми плащами путников и достал из внутреннего кармана плоскую серебряную пластинку. На металле было выбито семь пересекающихся дорог, а в центре темнел маленький дракон с расправленными крыльями.

– Я не собираюсь никого удерживать силой, – ответил он. – Но человек, который уйдёт до осмотра, может принести с собой след от сущности, и тогда дорога станет опасной для всех, кто попадётся ему навстречу.

– Он прав, хозяйка, – тихо сказал Севен, касаясь серой полосы у воротника. – Когда я шёл сюда, мне казалось, что я просто замёрз, а через милою меня уже несли ноги, куда хотели сами.

Элина повернулась к гостям, ожидавшим её решения у дальнего стола. Лан сидел, поджав под лавку длинные ноги, и разглядывал лежавшую на стойке серебряную пластинку. Его спутник бросил взгляд на дверь, потом на Тома, который возился у печи с чистыми кружками.

– Вам нужна ещё еда, сухое место и возможность починить телегу, – сказала Элина. – Ночуйте сколько нужно, только не вздумайте покидать трактир тайком и заставлять меня отвечать за ваши глупости.

Лан коротко кивнул и подвинул к себе хлебную корзину. Его спутник почесал щетину, потом опустился обратно на лавку. Марта переставила кочергу в угол, но всё ещё держалась возле печи, будто тёплые камни могли защитить лучше любого заклинания.

Кайрен взял чёрный ключ полотенцем и поднёс к серебряной пластинке. Металл на пластинке потемнел по краям, драконьи крылья на рисунке вспыхнули тусклым белым светом. На головке ключа проступили тонкие линии, похожие на трещины на льду.

– Ключ принадлежит старой запорной системе, – сказал он. – Такие делали для переходов между границами, пока их не запретили вместе с большей частью пограничной магии.

– Здесь никогда не было границы, – возразила Марта. – До Сурмы два дня пути, до Северных земель ещё дальше, а за болотом начинаются пустые пастбища.

– В карте важны не только дороги, по которым ездят телеги, – Кайрен положил пластинку рядом с ключом. – Некоторые линии проходят под землёй и соединяют места, которые люди давно перестали считать соседними.

Элина выслушала объяснение и ощутила знакомое желание потребовать нормальный договор, перечень рисков и подпись ответственного лица. В прежней жизни такое желание обычно означало, что кто-то уже допустил ошибку и надеется спрятать её под длинными словами. Она достала из ящика чистую тетрадь, раскрыла на первой странице и обмакнула перо в чернила.

– Вы осмотрите погреб, а я запишу, что найдёте и кто это видел, – сказала она. – Если мой дом окажется опасным, я хочу понимать, на основании чего вы будете распоряжаться моей жизнью.

Кайрен посмотрел на тетрадь, потом на её испачканные мукой пальцы. На его лице не дрогнул ни один мускул, однако он убрал серебряную пластинку в карман медленнее, чем раньше. Лан тихо фыркнул у своего стола, но сразу спрятал усмешку в кружке.

– Вы умеете составлять подробные протоколы подобных осмотров? – спросил Кайрен, слегка наклонив голову к тетради. – Обычно хозяева подобных мест предпочитают плакать или требовать защиты у местного старосты.

– Я умею читать цифры, замечать недостающие подписи и не отдавать дом людям с чёрными ключами, – Элина перевернула страницу. – Этого вполне должно хватить для нашего начала.

Марта поставила перед инквизитором глиняную миску с густым супом. Кайрен посмотрел на еду, потом на неё, словно не был уверен, следует ли принимать угощение. Марта поправила рукав, стараясь не смотреть ему в лицо.

– Сначала поешьте, потом ищите свои переходы, – сказала она. – Мой суп ещё никого не убил, а за холодную работу голова спасибо не скажет.

Кайрен взял ложку, попробовал суп и слегка нахмурился. Элина ждала язвительного замечания о специях или соли, но он сделал ещё несколько глотков и поставил миску пустой на край стойки. Марта быстро забрала её, выпрямившись с таким видом, будто получила личную награду от короля.

– Благодарю вас за горячий ужин и заботу, – сказал Кайрен. – Я осмотрю печь, погребную дверь и нижнее помещение, если туда ведёт проход.

– Вы осмотрите всё вместе со мной, – Элина убрала тетрадь под локоть. – Я не позволю незнакомому человеку хозяйничать в моём доме, даже если у него есть серебряная пластинка.

– Госпожа, там может быть опасно, – вмешался Севен. – Вам лучше остаться наверху и дать ему делать свою работу.

Элина посмотрела на его шею, где серая полоса почти исчезла после еды. Потом она перевела взгляд на Мартыны руки, всё ещё испачканные мукой, и на Тома, который прятал банку соли за поленницей. Всем этим людям было куда страшнее, чем ей, но никто не собирался бежать.

– Опасно уже в каждой комнате, пока под полом скребутся двери, – ответила она. – Значит, я иду вместе с инквизитором и хотя бы не узнаю о судьбе дома последней.

Кайрен не стал спорить и молча допил воду из кружки. Потом он взял чёрный ключ через полотенце и оглядел зал, выбирая, кому можно доверить выход. Его пальцы были длинными, сухими, с белым шрамом на большом суставе, и Элина заметила, что он постоянно держит ладонь так, чтобы не задеть никого случайно.

– Лан останется у входа, – произнёс Кайрен. – Севен проследит, чтобы никто не выходил во двор, а Марта с мальчиком останутся у печи и поддержат огонь.

– Том умеет носить дрова и не путаться под ногами, – вставила Марта. – Но я всё равно буду следить, куда он полезет.

Том нахмурился, однако спорить с ней не стал. Он поставил банку соли на полку и понёс к печи корзину поленьев, хотя корзина почти не нуждалась в переносе. Лан снял нож с пояса, положил его рядом с собой и сел так, чтобы видеть входную дверь и коридор.

Кайрен подошёл к поленнице, оставив серебряную пластинку на стойке. Он провёл ладонью над медными пластинами, не касаясь их, и воздух вокруг пальцев дрогнул от слабого жара. На мгновение Элина увидела под кожей его запястья тонкие серебристые линии, но он тут же опустил рукав.

– Не открывайте дверь, пока я не скажу, – произнёс он. – Если услышите знакомый голос, не отвечайте и не делайте того, что он попросит.

– У меня здесь нет знакомых голосов, кроме Марты и Тома, – Элина крепче прижала к боку тетрадь. – Но спасибо за очень полезное уточнение.

Марта неодобрительно цокнула языком и поправила край передника. Кайрен бросил на Элину быстрый взгляд, будто хотел что-то сказать, но только взялся за край доски. Лан подошёл помочь, и вдвоём они осторожно вытащили гвозди, не задевая медных пластин.

Когда доска упала на пол, из щели потянуло влажной землёй и старым вином. Дверь оставалась закрытой, однако чёрный ключ в полотенце начал мелко дрожать. Кайрен вставил его в скважину, повернул один раз, потом замер, прислушиваясь к механизму внутри.

– В этой двери спрятаны сразу два замка, – сказал он. – Один стоит на двери, а другой привязан к тому, что находится дальше.

– Если второй нельзя открыть, не открывайте, – сказала Марта. – У меня есть родная сестра, которая умеет молиться, и я могу привести её завтра утром.

– Вашей сестре лучше не подходить к этому месту, – Кайрен закончил поворот ключа. – Второй замок открывается только для того, кто несёт метку дома.

Элина почувствовала, как от слов похолодела спина. Она опустила взгляд на свои руки, ожидая увидеть на ладонях чужие знаки, но на коже виднелись только следы муки и тонкая царапина от ножа. Кайрен тоже посмотрел на её пальцы, затем перевёл взгляд на печь.

– Метка может проявиться через огонь, кровь или собственность, – пояснил он. – Сегодня утром печь подчинилась вам, а это редко бывает случайностью.

– Вы хотите, чтобы я открыла второй замок? – Элина спросила это ровно, хотя горло пересохло. – Не советую говорить, что выбора нет, я не люблю такие разговоры.

– Я хочу узнать, есть ли у вас право его открыть, – Кайрен отступил от двери. – Решение останется за вами, пока опасность не выйдет за пределы трактира.

Элина услышала, как Марта тихо выдохнула. Она поставила тетрадь на стойку, вытерла ладони полотенцем и подошла к двери. Кайрен не двинулся, но стоял достаточно близко, чтобы заслонить её от коридора, если из темноты снова ползет дым.

На внутренней стороне косяка, почти у пола, Элина заметила углубление размером с монету. Оно было забито грязью, но из-под неё проглядывала тонкая медная пластина. Она присела, соскребла землю ножом и увидела отпечаток ладони с семью короткими лучами вокруг запястья.

– Вот почему Хадрик носил ключ под рубахой, – прошептала Марта. – Он боялся, что дверь откроется без него.

– Хадрик не был хозяином этого знака, – Кайрен нахмурился. – Он мог пользоваться ключом, но печать настраивали на кого-то другого.

Элина приложила ладонь к очищенной медной пластине на косяке. Холод пронзил пальцы, затем по коже пробежало тепло, будто она на секунду взялась за железную ручку печи. Медные лучи налились золотом, а в глубине двери щёлкнул второй замок.

Том вскрикнул, уронил корзину и отступил к Марте. Два полена покатались по полу, одно ударилось о ножку стола и остановилось рядом с сапогом Кайрена. Марта быстро прекрестилась, а Лан приподнялся с лавки, не убирая руку от ножа.

– Отойдите от двери и держитесь возле печи, – сказал Кайрен. – Я пойду ниже, а вы останетесь на верхней ступени.

– Вы сами сказали, что мне решать, – Элина поднялась, растирая ладонь. – Я не стану открывать печати и потом ждать у лестницы, пока чужой человек решит, что делать с моим домом.

Кайрен медленно выдохнул через нос и потёр переносицу. Его лицо оставалось спокойным, но плечи чуть напряглись, и Элина подумала, что именно так он выглядит перед тем, как сказать неприятное. Вместо этого он протянул ей маленький металлический свисток на цепочке.

– Если свисток нагреется, немедленно поднимайтесь, – сказал он. – Не задавайте вопросов и не возвращайтесь за вещами.

– Я постараюсь не спасать бухгалтерские книги из огня, – Элина взяла свисток и спрятала его в карман. – Но ваши ключи и протокол я заберу с собой.

Севен кашлянул у окна, скрывая улыбку. Марта покачала головой и поставила на стойку фонарь, заправленный маслом. Кайрен подхватил фонарь, проверил фитиль и толкнул дверь плечом.

За дверью оказалась узкая лестница, уходившая вниз между сырыми каменными стенами. На ступенях лежала пыль, однако по центру тянулись свежие следы грязных сапог. Они начинались у нижней площадки и обрывались у двери, словно человек поднялся по лестнице и растворился в коридоре.

– Белин приходил сюда раньше, – сказала Элина, наклоняясь над следами. – Или кто-то носил такие же сапоги и решил не оставлять визитную карточку.

– Следы слишком свежие для Хадрика, – Кайрен поднёс фонарь ниже. – И слишком ровные для человека, который испугался того, что увидел.

Они осторожно спустились на несколько влажных каменных ступеней. Кайрен шёл впереди, держа свет высоко, Элина следовала за ним, придерживая юбку свободной рукой. За их спинами Лан встал у открытой двери, а Марта несколько раз тихо позвала Элину по имени.

Нижнее помещение оказалось шире, чем можно было ожидать под небольшим трактиром. Вдоль одной стены стояли пустые бочки, у другой лежали сломанные полки, а посередине темнел круглый каменный колодец без воды. Над колодцем висели семь медных цепей, и шесть из них сходились к железному кольцу на краю камня.

Седьмая цепь лежала на полу у края колодца. Её конец был отломан неровно, будто кто-то бил по металлу тяжёлым молотом, пока не добился трещины. В воздухе пахло плесенью, мокрой землёй и знакомым дымом, от которого у Элины сразу стиснуло виски.

Кайрен присел возле колодца и провёл ладонью над краем. Свет фонаря качнулся, а на стенках камня проступили вырезанные строчки. Элина разглядела не буквы, а повторяющиеся знаки: дорога, котёл, открытая ладонь, пламя и снова дорога.

– Это не колодец, – тихо сказал Кайрен. – Здесь держали переход в Теневой путь, пока его не закрыли семь хранителей.

– Теневой путь звучит так, будто туда лучше не бросать монетки на счастье, – Элина подошла ближе, но не переступила следы на полу. – Что именно приходит оттуда, из этого пути?

Кайрен выпрямился не сразу и задержал взгляд на колодце. Он посмотрел на отломанную цепь, потом на её ладонь, где ещё сохранялся золотистый след от печати. В его молчании не было привычной важности Варша, только усталость человека, которому слишком часто приходится объяснять плохие новости.

– Оттуда приходят существа, которым нужны чужая память, страх и тёплая кровь, – ответил он. – Они не всегда выглядят чудовищами, поэтому опаснее всего те, кто умеет говорить знакомыми голосами.

В самой глубине колодца что-то тяжело шевельнулось. Элина услышала скрип колёс по мокрому асфальту, слишком отчётливый для подвала в другом мире. Потом чей-то голос назвал её настоящим именем, мягко и торопливо, как мать звала её из прихожей, когда остывал ужин.

– Лена, пожалуйста, не стой там одна, ты простынешь. Ты же так хотела скорее вернуться домой ко мне.

Элина вцепилась пальцами в край тетради. Плечо Кайрена оказалось рядом, хотя она не заметила, когда он успел сделать шаг к ней. Он не схватил её за руку и не потянул к лестнице, просто заслонил колодец так, чтобы ей пришлось смотреть на его тёмный рукав.

– Это не ваш дом и не ваша мать, – сказал он тихо. – Не отвечайте ему ни словом, госпожа Рейвис.

Голос повторил её имя, уже сердитее. Из колодца потянулся серый дым, но Кайрен вытянул ладонь, и воздух между ним и камнем вспыхнул узкой белой полосой. Дым ударился о неё, зашипел и рассыпался мелкими искрами, которые исчезли до пола.

Элина выдохнула, не сразу заметив, что задерживала дыхание. Она посмотрела на Кайрена и увидела, как белеют суставы его пальцев. На виске у него выступила тонкая капля пота, но он держал руку неподвижно, пока колодец не перестал шептать.

– Вам действительно больно от этой магии? – спросила Элина, заметив побелевшие суставы на его пальцах. – Если больно, скажите словами, а не делайте вид, что всё под контролем.

– Мне неприятно, когда старые печати рвутся под домами, – ответил Кайрен. – Но я переживу, если вы не начнёте разговаривать с теньями.

Она хотела возразить, однако из-за бочек донёлся тихий звон. На полу возле дальней стены лежал плоский жестяной ящик, прикрытый мешковиной. До него тянулись те же грязные следы, которые они видели на лестнице.

Кайрен поднял фонарь выше, освещая дальнюю стену подвала. Он не стал запрещать Элине подходить, только обошёл колодец с другой стороны и жестом указал на ящик. На крышке был выцарапан знак раскрытого глаза, такой же, как на чёрном ключе.

– Белин пришёл сюда не за бочками, – сказала Элина. – Значит, он искал именно этот ящик.

Кайрен достал из кармана тонкие перчатки и надел их поверх голых рук. Он присел, подцепил крышку ножом, а Элина удержала фонарь, чтобы свет не дрожал перед его глазами. Внутри лежали промасленные бумаги, маленький кожаный кошелек и медный медальон на порванной цепочке.

Кайрен развернул верхний лист с пожелтевшими краями. Это оказался список имён, написанный разными почерками и в разные годы. Рядом с каждым стояли даты, суммы и короткие пометки: «поставлено», «не вернулась», «взял Карн», «передано хранителю».

Внизу страницы была запись, сделанная чёрными чернилами. Элина увидела фамилию Хадрика, дату его гибели и строчку, от которой у неё пересохло во рту: «Новая хозяйка примет огонь, когда старый ключ найдёт дорогу домой».

Кайрен сложил лист вчетверо и поднял на неё глаза. В свете фонаря его лицо казалось ещё более усталым, чем наверху, но голос оставался твёрдым.

– Кто знал, что вы поселитесь в этой таверне, госпожа Рейвис? – спросил он, удерживая взгляд на её лице. – Потому что эта запись появилась здесь раньше, чем вы открыли глаза в чужом доме.

Глава 5

Вопрос Кайрена повис между ними тяжелее сырого запаха подвала. Элина держала фонарь обеими руками и смотрела на строчку в списке, пока буквы не начали расплываться от света. В памяти всё ещё стоял голос матери из колодца, слишком живой и слишком невозможный.

– Никто не знал, потому что я сама этого не знала, – сказала она. – Вчера у меня была работа, квартира и автобусная остановка у дома, а сегодня у меня есть трактир с порталом под полом.

Кайрен не перебивал и только выслушал её до конца. Он положил список на ящик, достал из кармана карандаш и что-то отметил на обороте серебряной пластинки. Его спокойствие раздражало, но Элина уже заметила, что именно так он ведёт себя, когда вокруг становится опасно.

– Я не понимаю названия большинства ваших вещей, – произнёс он. – Но вы утверждаете, что жили в другом мире до того, как проснулись в теле Элины Рейвис?

– Не утверждаю, а говорю прямо, – Элина поставила фонарь на каменный край колодца. – Если хотите, я могу перечислить вам цены на электричество, кофе в бумажном стакане и такси в дождь, только это никому здесь не поможет.

Кайрен провёл пальцем по чёрной записи, не касаясь чернил. Вокруг листа на мгновение загорелась тонкая серебристая линия, потом погасла без дыма и запаха. Он нахмурился, свернул бумагу и положил её во внутренний карман.

– Эта старая запись определённо подлинная, – сказал он. – Её сделали почти пять месяцев назад, и магический след оставил человек с даром предвидения.

Элина почувствовала, как фонарь дрогнул в руках. Пять месяцев назад она ругалась с соседкой из-за протекающего крана, обещала матери приехать на выходные и откладывала разговор с начальником о повышении. В том мире никто не рисовал её имя под чужим подвалом и не ждал, когда она провалится в чужую жизнь.

– Значит, кто-то заранее знал, что я умру? – спросила она, сжимая ручку фонаря ещё крепче. – Или вы хотите сказать, что меня сюда привезли по заказу, как мешок муки?

– Я не знаю, кто сделал запись и что именно он видел, – Кайрен поднял фонарь с края колодца. – Но я знаю, что такие предсказания не дают точных имён, если человек не связан с местом кровью или клятвой.

– У меня нет здесь ни крови, ни клятвы, – Элина сжала ладонь, где всё ещё горел слабый след печати. – Есть только чужое тело и очень плохая удача.

Кайрен посмотрел на её пальцы, потом на медные цепи над колодцем. Сломанная седьмая цепь лежала на полу, и в её трещине медленно собиралась влага. Он наклонился, поднял медальон из ящика и протянул Элине через сложенное полотенце.

– Посмотрите на обратную сторону, – попросил он. – Возможно, вы узнаете знак раньше, чем я смогу его проверить.

Медальон оказался тяжёлым, с тусклым камнем в центре. На лицевой стороне был выбит котёл над семью дорогами, а на обратной виднелись две буквы, затёртые временем. Элина поднесла его к фонарю и разглядела изогнутую «Э» и короткую «Р».

– Это инициалы какой-то прежней хозяйки дома? – спросила она, поднося медальон ближе к свету. – Элина Рейвис тоже могла носить такое украшение.

– У неё не было этого медальона, – ответила Марта сверху. – Я бы видела, она любила побрякушки и каждый праздник надевала серьги матери.

Элина подняла голову к верхней площадке каменной лестницы. Марта стояла у верхней ступени, не решаясь спускаться дальше, но голос её звучал удивительно твёрдо. За спиной

соседки маячил Том с пустой корзиной, а Лан держал дверь открытой, чтобы свет из кухни падал на лестницу.

– Марта, вы помните, кому принадлежал дом до Хадрика? – Элина медленно повернула тяжёлый медальон между пальцами. – Не трактир, а сам дом с печью и этим погребом.

Соседка прикусила губу и задумчиво поправила передник. Потом она спустилась на одну ступень, не сводя глаз с колодца. В подвале стало тише, только по стенам стекала вода и где-то в бочке лениво лопался пузырёк воздуха.

– Дому больше ста лет, а хозяева менялись часто, – сказала Марта. – Моя бабушка служила здесь ещё девочкой и говорила, что до Рейвисов жила женщина по имени Элария, но её потом увезли люди в серых плащах.

Кайрен резко повернулся к Марте, услышав про серые плащи. Он не повысил голоса и не сделал движения, которое могло бы напугать Марту, но та всё равно отступила обратно к лестнице. Элина заметила, как он сжал край фонаря, и поняла, что слова о серых плащах для него значат больше обычной городской сплетни.

– Вы слышали полную фамилию той женщины? – спросил он, глядя на Марту с прежней внимательностью. – Или вам известно, куда именно её увезли?

– Бабушка не знала, а я тогда ещё не родилась, – Марта нахмурилась. – Она говорила только, что Элария пекла хлеб для всех на тракте, а потом люди начали забывать свои имена после ночёвки в доме.

Том переступил на верхней ступени и обнял корзину. Лан посмотрел на Кайрена, ожидая объяснений, но инквизитор лишь взял из ящика остальные бумаги. Он перебирал листы быстро, однако аккуратно, не рвал промасленные края и не позволял воде из подвала коснуться записей.

– Элария Рейвис была хранительницей малой печати, – сказал он после долгой паузы. – Её забрала старая Инквизиция, потому что в доме случился прорыв, а затем дело закрыли без подробностей.

– Ваша служба забрала женщину, а её дом отдали Хадрику? – Элина почувствовала, как голос у неё становится жёстче. – Очень удобно, особенно если потом приходится спрашивать, почему печати рвутся под кухней.

Кайрен поднял на неё глаза поверх промасленных бумаг. На его лице не появилось привычной холодности, только усталость и едва заметное раздражение, направленное не на неё. Он спрятал бумаги в кожаную папку, застегнул ремень и поднялся.

– Та Инквизиция не имела отношения к Северному корпусу, – сказал он. – Но разница мало что меняет для женщины, которую увезли и не вернули, я это понимаю.

Элина не ожидала такого ответа и не нашла готовой колкости. Она отвернулась к колодцу, где на камне поблёскивала вода, и услышала, как за спиной Марта тихо вздохнула. Кайрен подхватил ящик, проверил крепление фонаря и кивнул в сторону лестницы.

– Мы вернёмся наверх, закроем дверь и обсудим порядок до рассвета, – произнёс он. – Внизу оставаться нельзя, пока не восстановим хотя бы одну цепь.

– А если я не соглашусь на ваш порядок? – Элина подняла тетрадь, которую успела положить на бочку. – У меня уже был муж, который решал, что мне можно знать и где мне стоять.

Кайрен остановился на нижней каменной ступени лестницы. Его взгляд стал внимательнее, но он не стал спрашивать о Хадрике, и Элина была за это благодарна. Вместо этого он положил ящик на ступень и сделал шаг в сторону, освобождая ей дорогу.

– Тогда вы предложите свой порядок, а я скажу, где он может убить нас обоих, – ответил он. – Так будет честнее, чем приказывать вам молчать.

На кухне пахло подгоревшим маслом и тёплой корицей. Марта успела разлить по кружкам чай, а Том сидел на табурете, обхватив его коленями, и слушал, как Лан пересказывает спутнику историю о сером дыме. Когда Элина вышла из коридора, все сразу замолчали.

– Погреб закрываем до утра, – сказала она, ставя тетрадь на стол. – Лан и его друг остаются у входа посменно, Том не подходит к двери, а Марта не отдаёт ключи никому без меня.

– Я могу караулить после полуночи, – предложил Том. – Я не сплю, когда в доме чужие мужчины.

– Ты будешь спать в комнате Марты, – отрезала Элина. – А если проснёшься, разбудишь меня и не станешь геройствовать с банкой соли.

Том надулся, но возражать не стал. Марта спрятала улыбку, наливая ему чай, и сунула в руки тёплую булку. Кайрен поставил ящик на стол, открыл тетрадь Элины и придвинул к себе свободный стол.

– Нужны имена всех, кто входил в трактир за последние три дня, – сказал он. – Ещё мне нужен список поставщиков, знакомых Хадрика и людей, которые могли знать о погребе.

– У меня есть имена, но с поставщиками придётся разбираться утром, – Элина села напротив и достала учётную книгу. – А вы напишете, на каком основании запираете мой подвал и забираете бумаги?

Кайрен достал чистый лист, написал несколько строк чётким мелким почерком и подвинул бумагу к ней. Элина прочитала текст внимательно, строчку за строчкой. В нём говорилось о временном ограничении доступа к опасному месту, о сохранности найденных вещей и о том, что хозяйка трактира имеет право присутствовать при каждом осмотре.

– Здесь нет строки о том, что я обязана отдавать вам ключ, – заметила она. – Это хорошо, потому что ключ пока останется у меня.

– Ключ остаётся в печной комнате, под охраной Лана и вашего непримиримого взгляда, – Кайрен взял перо. – Я не собираюсь вырывать его из ваших рук, госпожа Рейвис.

Лан кашлянул в кулак и поправил рукав дорожной куртки. Его спутник отвернулся к окну, но плечи у него дрогнули от сдерживаемого смеха. Элина почувствовала, как к щекам приливает тепло, и решила, что причиной тому точно была близость печи, а не слова инквизитора.

Кайрен наклонился над раскрытой учётной книгой на столе. Он быстро отсортировал листы, разложил их по датам и нашёл записи о зерне, конюшне, эле и расходах на кузнеца. Элина наблюдала за его руками и с раздражением признала, что он обращается с бумагами куда осторожнее, чем Хадрик или Варш.

– Карн выдавал Хадрику деньги частями, – сказала она, проводя пальцем по строкам. – Но здесь нет записей, на что ушли последние двадцать крон, хотя долг вырос именно в тот месяц.

– Он мог платить кому-то за молчание или за работу с цепями, – Кайрен подвинул к ней одну страницу. – Посмотрите на этот знак рядом с суммой, он повторяется в списке из ящика.

Элина наклонилась ближе к пожелтевшей странице книги. Вдоль строки стоял маленький раскрытый глаз с трещиной посередине, выведенный той же чёрной тушью, что и на ключе. У неё заболела шея от долгого наклона, но она продолжала сравнивать даты, пока цифры не выстроились в неприятную последовательность.

– Хадрик платил Карну каждую неделю после того, как цепь сломали, – сказала она. – Не за долг, а за что-то, что должны были приносить из трактира.

– Из трактира или в трактир, – тихо добавил Кайрен. – Завтра проверим склад, конюшню и старую мельницу, если дорога позволит.

В высокое кухонное окно кто-то трижды постучал снаружи. Звук был лёгким, почти деликатным, и Марта подняла голову раньше остальных. За стеклом темнел двор, отражая свет кухни и мокрые ветки у забора.

– Лан, проверь ворота, – Элина поднялась, отодвигая стул. – Севен, не выходите один, лучше помогите ему с фонарём.

Кайрен встал тоже, но не успел сделать шаг. На стекло снова опустилось что-то чёрное, плоское, с блестящими крыльями. Это была птица размером с ладонь, похожая на ворона, только вместо перьев её тело покрывали тонкие пластинки, как у жука.

Том вскрикнул и спрятался за Марту. Птица повернула голову к Элине, ударила клювом по стеклу и оставила на нём чёрный след. Потом она расправила крылья, а на внутренней стороне окна проступили слова, сложенные из копоты.

До полуночи отдай ключ и хозяйку. Иначе огонь возьмёт своё.

Марта побледнела, прижала Тома к себе и потянулась за кочергой. Лан уже стоял у двери с ножом, а Севен держал фонарь так, что масло плеснуло через край. Элина смотрела на надпись, чувствуя, как кожа на ладони снова начинает теплеть.

Кайрен подошёл к окну и поднял руку. Белая линия вспыхнула между его пальцами, птица царапнула стекло и рассыпалась чёрной пылью. Пыль упала на подоконник, зашипела и исчезла, а копотные буквы остались на стекле.

– Это посланник Серого круга, – сказал Кайрен. – Они знают, что ключ у вас, и знают, что печь признала вас хозяйкой.

– Тогда вы останетесь здесь до утра, – Элина сдёрнула с крюка ещё один фартук и бросила его на стол. – Не потому, что я верю вашим приказам, а потому, что в этой таверне слишком много людей, которым некуда уходить ночью.

Кайрен посмотрел на неё, потом на надпись и на испуганного Тома у печи. Его лицо снова стало неподвижным, но он взял со стойки договор, перечеркнул одну строку и поставил внизу свою подпись.

– До утра я беру на себя охрану трактира, – произнёс он. – А после рассвета мы найдём того, кто решил, что может требовать вас вместе с ключом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.